

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТА «ПРОСТРАНСТВО»

А. В. Самойлова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются особенности восприятия и понимания ключевого бытийного концепта «ПРОСТРАНСТВО». Выявление национально-специфических особенностей данного концепта, как в процессе устной речевой деятельности, так и в художественном тексте, раскрывает полноту картины мира разных национально-лингво-культурных сообществ.

Ключевые слова: концепт «ПРОСТРАНСТВО», лингвокультурологические особенности, когнитивная база.

Одним из наиболее перспективных научных направлений, находящихся на стыке таких дисциплин, как лингвистика, теория речевой деятельности, теория текста, культурология, психолингвистика и т.д. является лингвокультурология, изучающая национальные особенности восприятия и выражения посредством языковых форм зафиксированных в культуре явлений, понятий, концептов, да и в целом картины мира той или иной этнической группы. Иначе говоря, постижение и осмысление таких особенностей, культурных импликаций, подразумеваемых говорящими в процессе речевой деятельности либо в письменной форме на примере произведений авторов, принадлежащих к разным национальным сообществам, способствует как сближению языковых мышлений носителей разных языков и культур, так и более глубокому пониманию авторского замысла. Но мы не беремся рассматривать такие особенности в глобальном масштабе, а фокусируем свой взгляд на лингвокультурологической характеристике концепта «ПРОСТРАНСТВО», одного из основных монументальных концептов, в картине мира любого национально-лингво-культурного сообщества (термин В.В. Красных).

Нашей задачей в настоящей статье является рассмотрение пространства с концептуальной позиции, то есть истолкование, «какими оперативными единицами нашего сознания или же ментальным в нем репрезентациям они соответствуют», [Кубрякова 2000: 84], а также некоторых лингвокультурологических аспектов, формирующих понятийную базу концепта «ПРОСТРАНСТВО».

Раскрывая тему настоящей публикации нельзя не обратиться к истокам определения самого понятия «пространство». Мы не будем вдаваться в подробности и говорить о теориях пространства времен Аристотеля, Ньютона или Лейбница, а обратимся к более современным его трактовкам, соответствующим духу времени и отражающим наше с вами пространственное восприятие.

Многими философами уже давно отмечается многоликость и поливариантность бытия со всеми присущими ему составляющими, в том числе

пространством. Этот факт наложил свой отпечаток и на восприятие пространства в целом. Его уже не рассматривают обособленно, а в единстве с другой неотъемлемой бытийной категорией – временем. В своем последнем труде «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» Гуссерль уже оперирует понятием «пространство-временность». Гуссерль редуцирует пространство-временность (временность как одновременность и последовательность) к пространство-временности чистого существующего жизненного мира. «В таком понимании она представляет собой универсальную форму реального мира, в которой и посредством которой все реальное в жизненном мире определяется в отношении своей формы» [Гуссерль 2004: 287]. В такой трактовке прослеживается главная мировоззренческая установка – констатация необходимости содержательного понимания пространства и времени: они неотделимы от явлений или объектов, в них существующих. Так неразрочно пространство культуры и сама культура. Новый угол зрения открыла и в определенной степени подтвердила и наука. Изначально позиционируемый как относящийся к области философии концепт пространства, может являться весьма интересным объектом для изучения, к примеру, когнитивной науки, поскольку он создается посредством ментальных репрезентаций, и объектом лингвистики, т.к. выражается он с помощью языковых средств, и, наконец, может быть актуален для лингвокультурологии, поскольку отражает особенности национально-культурного восприятия. Недаром ученые говорят о неразрывной взаимосвязи философии, лингвистики и дисциплин, изучающих культуру.

Обособленное определение категории пространства было найдено нами только в одном источнике, в других – оно рассматривается только в купе с категорией времени, (что еще раз подтверждает их неразрывную связь: есть пространство – есть время, и наоборот). «Пространство – то, что является *общим всем переживаниям*, возникающим благодаря органам чувств», [ФЭС 1989: 369]. Авторами словаря также упоминается позиция современной психологии, кажущаяся существенной при подборе подходящего определения пространства: «... пространство как таковое никогда не дано нам, ... напротив, оно постоянно наполнено множеством более или менее всеобъемлющих систем отношений, к которым принадлежат различные предметы», что обуславливает его «невзрачность, неяркость», [Там же: 370]. Для современной физики при определении пространства как сущности важно понятие поля. Авторы данного энциклопедического издания ставят акцент именно на системы отношений, подчеркивая при этом значимость категории пространства для науки любого характера.

Концепт «ПРОСТРАНСТВО» настолько обширен и многолик, что даже при выборе объекта исследования настоящей статьи возникает вопрос, как рассматривать пространство, в качестве целостной концептосферы, или же как отдельно взятого, хотя и осложненного концепта. Его сложность заключается еще и в том, что при описании нам часто «приходится прибегать к «услугам» более сложных языковых структур – словосочетаний, фразеологических единиц, предложений и даже целых текстов» [Алефиренко [http:](http://) 140]. При этом структурированные знания в виде фреймов, сценариев, гештальтов и т. п.,

представляющих собой когнитивные структуры ассоциативно-образного характера, формируют индивидуальное понимание, конструктивным центром которых выступает все тот же концепт, в нашем случае концепт «ПРОСТРАНСТВО».

Перенося проблематику концепта «ПРОСТРАНСТВО» в лингвокультурологическую плоскость, стоит отметить его важность в целом для этого научного направления. Так, В.В. Красных среди наиболее актуальных проблем лингвокультурологии, наряду с исследованием и выявлением наиболее универсальных и национально-специфических черт дискурса, выделяет проблему изучения и описания окультуренных человеком сфер (пространственной, временной, деятельностной и т.д., [Красных 2002: 14]. И здесь на первый план выходит восприятие пространства как целостной концептосферы. В.В. Красных трактует его как «информационно-эмоциональное («этническое») поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится «ощутимым» при столкновении с явлениями той или иной культуры. Оно выступает как форма существования культуры в сознании человека» [Там же: 206]. В основу культурного пространства заложена когнитивная база, но и в ней самой находит свое отражение концепт «ПРОСТРАНСТВО» со всеми своими национально-обусловленными особенностями, что его подтверждает многоликость и сложность.

Значительный вклад в изучение концепта «ПРОСТРАНСТВО» в лингвокультурологическом ключе был сделан Е.С. Яковлевой, в работах которой пространство рассматривается с позиции носителей русского языка. Приведенные ею примеры из классической художественной литературы с использованием наречия *далеко* позволяют сделать вывод о горизонтальной ориентации пространства русскоговорящего населения с присущим ему «равнинным» мышлением, что обуславливается типичным для России ландшафтом. Антиподом равнинного выступает горное языковое сознание, для которого «пространство естественно осваивается и по вертикали ...; для равнинного же сознания вертикаль, характеристики 'высоко'/'низко', задают совсем другие ассоциации» [Яковлева 1994: 31].

Частично подтверждают идею о горизонтальности русского сознания и И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев. На примере лексических единиц *простор*, *даль*, *ширь*, *приволье*, *раздолье*, ключевым из которых является именно *простор*, ученые доказывают, насколько важными для русского сознания являются свобода, безграничность, беспрепятственное перемещение. Может ли на такое восприятие оказывать влияние тот факт, что наша страна территориально огромна и историческое сознание впитало данный факт, отразив его в когнитивной базе носителей русского языка? Вполне! «В русской картине мира *простор* – это одна из главных ценностей. Общая идея не только слова *простор*, но и многих других слов – <...> боязнь тесноты и ограничений <...>. Только на просторе человек может быть самим собой» [Левонтина 2000: 340].

В своей работе «Память в языке и культуре» Н.Г. Брагина причисляет

пространство к мыслительной категории, с помощью и посредством которой человек мыслит свое бытие. При этом зачастую именно человек и позиционирует себя в качестве центрального элемента бытия; антропоцентризм прослеживается даже при описании пространства: «Выражение пространственных отношений подчиняется представлению о конкретном пространственном объекте, следовательно, осмысление и выражение пространственных отношений может рассматриваться как результат осмысления человеком своего тела», [Брагина 2007: 99]. Особенно ярко выражены метафорические переносы описания пространства с использованием тематики «телесности» во фразеологии: *рукой подать, одна нога тут, другая там, на глаз* и т.д. А поскольку русский язык изобилует подобными примерами, мы с определенной долей уверенности можем говорить еще и о такой лингвокультурологической особенности описания пространственных отношений, как его антропоцентризм.

Несколько слов хотелось бы уделить и вопросу рефлексии концепта «пространство» в художественном тексте.

Для иллюстрирования моделей ментального восприятия и описания пространства мы выбрали роман известного японского писателя Харуки Мураками «Охота на овец». Центральными фигурами романа являются носители восточной культуры, правда весьма осовремененные и живущие в эпоху открытий, свободы и нестабильности – 60-70-е гг. XX-го века. Могут ли такие герои выражать не только специфику национально-лингвокультурного сообщества, но и сохранить в своей когнитивной базе основы древнейшей из философий? Наш ответ – да!

Как отмечала Т.Н. Снитко в труде «К вопросу о специфике организации японского культурного пространства»: «Для восточного постижения мира характерна позиция погруженности в мир человека: человек понимает себя в качестве одного из элементов целого, «схватывает» явление, не вычлняя его из целого. Отношения между человеком и миром представляются как отношения между микрокосмом и макрокосмом, и акцент делается на связях между этими «мирами», взаимно проникающими друг в друга» [Снитко <http>]. Данную мысль в полной мере подтверждает следующая цитата из романа:

«Бытие не есть проявление чьей-либо частной воли, это явление хаотическое. Ты, сидящий передо мной, - вовсе не индивидуальное существо, а лишь частица всеобщего Хаоса. Твой хаос – это и мой хаос. Мой хаос – также и твой. Бытие – это общение. Общение – суть Бытие» (Мураками).

Каждое слово в вышеприведенном примере так и пронизано нотами глубокого философского понимания, познания самого себя, а через себя и бытия, познания своей принадлежности к чему-то большему, хотя и не подверженному законам упорядоченности, связанному посредством человеческих взаимоотношений. Здесь уже нельзя сказать, что первично, то ли пространство, то ли человек.

Т.Н. Снитко также акцентирует внимание читателей именно на типе мышления через Понимание, характерном для восточной культуры в целом,

и для японской в частности. «<...> в Понимании человек смотрит на себя, смотрящего на мир, а мир есть отражение его самого. Отсюда и рефлексивность действительного мира человека, «понимающая» его организация в принципе» [Снитко [http](http://)]. В представленном примере эта идея отчетливо прослеживается. Ты – частица Хаоса; я – частица Хаоса; твой и мой Хаос тождественны, соприкасаются и выливаются в Бытие, что является отражением нас самих.

Еще одним примером философского типа мышления через Понимание может служить следующая цитата:

«То была особая красота...Гигантский космос, таясь, набухал в ней, готовый взорваться совей безграничностью, – и в то же время он был жестким и сжатым до размеров ничтожного кристаллика льда. Вселенная вокруг нас раздувалась в надменном величии – и тут же корчилась в робкой покорности и бессилии» (Мураками).

Здесь концепт «ПРОСТРАНСТВО» выступает скорее инструментом для понимания другого сложнейшего бытийного концепта «КРАСОТА». Герой пытается понять уникальность красоты своей избранницы, и уже она сама кажется ему самим космосом, сконцентрированным в одном человеке. Он смотрит на человека, в котором отражается весь мир, что является отражением его самого, через рефлексивность и происходит Понимание.

Таким образом, мы с определенной долей уверенности можем говорить о прямолинейной взаимосвязи концепта «пространства» и речевых способов его выражения с особенностями типов мышления, национальной спецификой картины мира и культурно-традиционной компетенцией того или иного национально-лингво-культурного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка [Электронный ресурс] / Н.Ф. Алефиренко. – URL: <http://lib.rus.ec/b/365298/read>.
2. Брагина Н.Г. Память в языке и культуре / Н.Г. Брагина. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 520 с.
3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль. – СПб: «Владимир Даль», 2004. – 400 с.
4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
5. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 84-93.
6. Левонтина И.Б. Родные просторы / И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. Ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
7. Снитко Т.Н. К вопросу о специфике организации японского культурного пространства [Электронный ресурс] / Т.Н. Снитко // Известия Восточного института Дальневосточного гос. ун-та. Вып. № 7. 2003. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-spetsifike-organizatsii-yaponskogo-kulturnogo-prostranstva>.
8. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 344 с.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

9. Философский энциклопедический словарь, 2-е издание. М.: Советская энциклопедия, 1989. – 840 с.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Мураками Х. Охота на овец: роман / Х. Мураками; пер. с яп. Д. Коваленина. – М.: Эксмо, 2013. – 416 с.

LINGUOCULTURAL ASPECTS OF THE CONCEPT «SPACE»

A.V. Samoylova

Kuban State University, Krasnodar

The article deals with peculiarities of perception and comprehension of the key existential concept «space». The exposure of nation-specific characteristics of the given concept both in the process of oral speech activity and literary text reveals the wealth of the world view of different nation-linguo-cultural communities.

Key words: *concept «SPACE», linguocultural peculiarities, cognitive base.*

Об авторе:

САМОЙЛОВА Антонина Вадимовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета, *e-mail:* antina@inbox.ru